

УДК 343.14
ББК 67.410.204
DOI 10.24412/2414-3995-2021-2-218-222

© С.Б. Россинский, 2021

Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ИСТРЕБОВАНИЕ КАК СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Сергей Борисович Россинский,
профессор кафедры уголовно-процессуального права,
доктор юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9)
E-mail: s.rossinskiy@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению представления и истребования как досудебных способов собирания предметов и документов, подлежащих приобщению к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-разыскной и административной деятельности правоохранительных органов.

Исходя из сугубо «технического» характера этих приемов, автор приходит к выводу об отсутствии какой-либо потребности в их жесткой процессуальной формализации, сопоставимой по уровню юридических гарантий с режимом, предусмотренным для производства следственных действий. Вместе с тем, автор ратует за необходимость создания более четкой нормативной основы для их эффективного использования в процессе доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: досудебное производство, истребование доказательств, представление доказательств, собирание доказательств, уголовно-процессуальное доказывание.

SUBMISSION AND DEMAND AS WAYS TO COLLECT EVIDENCE IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION OF A CRIMINAL CASE

Sergey B. Rossinskiy,
Professor of the Department of Criminal Procedure Law,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)
(125993, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9)

Abstract. The article is devoted to consideration of submission and reclamation as ways of collecting things and documents in a preliminary investigation in a criminal case, which are subject to submission as material evidence, other documents, expert opinions, the results of operational-search and administrative activities of law enforcement agencies.

Taking into account the «technical» nature of these actions, the author is convinced that there is no need for their strict normative formalization, which is equal in terms of the level of legal guarantees with the regime provided for the production of investigative actions. However, the author advocates the need to create a clearer regulatory framework for their effective use in the process of proving in a criminal case.

Keywords: preliminary investigation, retrieval of evidence, presentation of evidence, collecting evidence, criminal procedural proof.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Россинский С.Б. Представление и истребование как способы собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу. Вестник экономической безопасности. 2021;(2):218-22.

Для достижения целей и успешного решения задач досудебного производства по уголовному делу органы дознания и предварительного следствия наделяются широкими полномочиями по осуществлению различных процессуальных действий, связанных с накоплением полезной информации, в частности с собиранием доказательств, подлежащих дальнейшему использованию при обосновании правоприменительных решений. Важнейшее место среди них занимают следственные действия, пред-

ставляющие собой производимые следователем или дознавателем (органом дознания) уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, связанные с собиранием полноценных доказательств и их депонированием для предстоящего судебного разбирательства.

Однако следственные действия, подразумевающие сложную гносеологическую основу и строгий

процессуальный порядок, – это не единственные способы собирания доказательств. Как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, далеко не все существующие виды доказательств порождаются посредством формирования, то есть путем преобразования полезной информации в надлежащую форму в ходе следственных действий [7, с. 95–96]. Наряду с показаниями, протоколами и экспертными заключениями Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает и другие средства доказывания: вещественные доказательства, иные документы и заключения специалиста. Кроме того, в современной следственной и судебной практике достаточно активно используются результаты оперативно-разыскной и административной деятельности органов исполнительной власти, которые, не будучи отнесены к автономным видам доказательств, тем не менее, оказывают неоценимую пользу для установления различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Все подобные доказательства не подлежат никакому формированию. Они «рождаются» вне процессуальных правоотношений и поступают в распоряжение органов предварительного расследования как уже сложившиеся познавательные ресурсы – в состоянии некоей «готовности к употреблению», поэтому просто приобщаются в качестве доказательств («вводятся» в уголовный процесс), или не приобщаются – в случае невозможности или целесообразности их признания средствами процессуального доказывания.

И в этой связи механизмы досудебного производства по уголовному делу объективно требуют более простых, сугубо «технических» способов собирания доказательств. В следственной и судебной практике такие задачи традиционно решались посредством представления и истребования предметов и документов. Ранее указанные процессуальные приемы наряду со следственными действиями были легально закреплены в положениях уголовно-процессуального закона¹. Поэтому, как справедли-

во пишет В.А. Семенцов, их регламентация в действующем Кодексе также была вполне ожидаемой [8, с. 39]. Однако в силу непонятных причин произошло обратное: разработчики УПК РФ фактически вообще потеряли их из виду, заменив прежнюю нормативную конструкцию достаточно расплывчатой и неопределенной формулировкой о собирании доказательств дознавателем, следователем, прокурором и судом «путем производства следственных и иных процессуальных действий». На возможность использования данных способов собирания доказательств в правоприменительной практике косвенно указывают лишь отрывочные и не вполне понятные дозволительные и предписания, структурно включенные в содержание процессуальных статусов отдельных участников уголовного судопроизводства либо вытекающие из некоторых других положений закона.

Так, ч. 4 ст. 21 УПК РФ предусматривает установленную для всех предприятий, учреждений и организаций, отдельных граждан и должностных лиц обязанность исполнения требований, поручений и запросов прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленных в пределах их полномочий. Нормы, определяющие процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого, законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей (ст. 42, 44–48, 53–55, 426 и 428 УПК РФ), государственного и частного обвинителя в судебном заседании (ч. 5 ст. 246 и ч. 5 ст. 321 УПК РФ), в системном единстве с ч. 2–3 ст. 86 УПК РФ предполагают возможность всех этих лиц представлять предметы и документы для приобщения к уголовному делу в качестве доказательств. И наконец, ч. 1 ст. 144 УПК РФ устанавливает право органов дознания и предварительного следствия на истребование предметов и документов в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении.

Вполне естественно, что возникающая здесь правовая неопределенность вызывает достаточно серьезные практические трудности, побуждает

¹ Например, согласно ст. 70 УПК РСФСР лицо, производящее дознание (дознаватель), следователь, прокурор и суд были вправе требовать от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные. Этой же нормой устанавливалась возможность представления доказательств подозреваемым, обвиняемым,

защитником, обвинителем, а также потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, их представителями, а также любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями.

к «изобретению» сугубо ведомственных и подчас сильно забюрократизированных технологий представления и истребования предметов и документов. Кроме того, она приводит к различным злоупотреблениям со стороны органов предварительного расследования, чем создает участвующим в уголовном деле лицам ощутимые препятствия для защиты и доступа к правосудию. Еще в 1982 г. А.М. Ларин писал о существовании неких «протоколов доставления вещественного доказательства», «протоколов добровольной выдачи», «протоколов изъятия» и т.д. [4, с. 63]. А на сегодняшний день арсенал подобных «изобретений» пополнился еще рядом настоящих «шедевров» правоприменительной практики. Поэтому в юридической литературе уже неоднократно говорилось о потребности в более четкой законодательной регламентации указанных способов собирания доказательств и предлагались соответствующие дополнения в УПК РФ [3, с. 112–113; 10, с. 30].

В своих прежних работах автор настоящей статьи также ратовал за необходимость усиления процессуальной формализации представления и истребования, за их обременение юридическими гарантиями доброкачественности, сопоставимыми с гарантиями, предусмотренными для производства следственных действий. Уклонение законодателя от такой формализации – отмечалось в одной из наших предыдущих публикаций – это не критерий для разграничения следственных и иных процессуальных действий, а исключительно недоработка самого законодателя, а если какие-либо применяемые следователем приемы не требуют обеспеченности подобными гарантиями, то они в принципе не должны вводиться в предмет уголовно-процессуального регулирования, не могут являться содержанием уголовно-процессуальных отношений [5, с. 19].

Впрочем, с подобной позицией согласны далеко не все авторы. Один из них – В.Ю. Стельмах – в свое время вступил с нами в полемику, указав на отсутствие каких-либо видимых причин для столь жесткой процессуальной формализации представления и истребования, которая присуща следственным действиям. При этом ученый обратил внимание, на законодательную дифференциацию действий, нуждающихся в особой процедуре проведения и не требующих такой процедуры [9, с. 17].

Ранее такие тезисы представлялись ошибочными и побуждали к ответным контраргументам в адрес уважаемого оппонента [6, с. 14]. Вместе с тем, результаты наших последних изысканий предопределили необходимость некоторого переосмысления прежней (к слову, достаточно резкой) позиции. Высказываемые В.Ю. Стельмахом в обоснование своей точки зрения доводы – 1) очевидность происхождения представляемых либо истребуемых предметов или документов и 2) необходимость жесткой формализации следственных действий лишь для обеспечения максимальной возможности исключения фальсификаций – по-прежнему представляются не вполне состоятельными. Однако, в одном автор все-таки прав: процедуры представления и истребования, по всей видимости, действительно не требуют столь детально регламентированной процедуры, которая присуща следственным действиям.

К слову, подобные идеи неоднократно высказывались и другими учеными. Например, Л.В. Воронина, еще в 1987 г. писала о нецелесообразности искусственного усложнения порядка «технических» способов собирания доказательств, в частности истребования документов и их введения в систему следственных действий [2, с. 11]. С.А. Шейфер также обращал внимание на более простую по сравнению со следственными действиями структуру представления и истребования [11, с. 149]. В.А. Семенцов, в свою очередь, полагает, что простота конструкций указанных приемов собирания доказательств способствует их более эффективному применению в отсутствие необходимости производства следственных действий [8, с. 40].

Ни представление, ни истребование не предполагают познания, не связаны с установлением новых сведений, имеющих значение для уголовного дела; они обладают сугубо «техническим», обеспечительным характером и направлены лишь на «введение» определенных предметов или документов в уголовное дело, то есть на их передачу из распоряжения каких-либо физических или юридических лиц, органов государственной власти (местного самоуправления) или их должностных лиц в дальнейшее распоряжение следователя (а в судебном производстве – суда). Подобные передачи не ограничивают конституционные права и свободы личности,

не попирают иные общепризнанные социальные ценности, не подразумевают применение принудительных средств и методов (то есть не являются формами изъятия), а проистекают исключительно при активном содействии или пассивном согласии «вторых» участников уголовно-процессуальных правоотношений: либо по их собственной инициативе (представление), либо в условиях добровольного подчинения законным требованиям субъектов уголовной юрисдикции (истребование)¹.

Неоправданно сильная формализация механизмов представления и истребования, необоснованно детальная регламентация этих приемов в УПК РФ приведет лишь к возникновению очередного очага процессуальной бюрократии, в частности к необходимости выполнения не имеющих особого смысла изнурительных формальностей и составления целого ряда соответствующих документов. А это, в свою очередь, увеличит и без того непомерно высокую нагрузку на следователей (в судебном производстве – на судей и их аппарат), что безусловно скажется на качестве и сроках производства по уголовным делам. В своих прежних работах автор настоящей статьи уже неоднократно отмечал о существующих в настоящее время негативных тенденциях по «узакониванию» (в узком смысле) множества сугубо «технических» или технологических правил, постепенно превращающих УПК РФ в пошаговую инструкцию, в некую «памятку» для безграмотных правоприменителей. И, следовательно, ученым-процессуалистам надлежит не потворствовать данным тенденциям, а, наоборот, в силу своих скромных возможностей противостоять всем подобным правотворческим инициативам. Кстати, вполне вероятно, что именно данная причина в свое время и побудила ученых, принимавших участие в разработке проекта УПК РФ, вообще отказаться от процессуальной регламентации представления и исследования как способов собирания доказательств. Хотя как раз этого-то делать и не следовало, поскольку советский законодатель вовсе не предусматривал каких-то сложных правил осуществления указанных приемов, а тоже регламентировал достаточно лаконично.

¹ Напомним, что В.Д. Арсеньев называл представление предметов и документов заинтересованными участниками пассивной формой получения доказательств судебно-следственными органами [1, с. 15].

Из сказанного закономерно вытекает вопрос о возможности нормативной реставрации прежних законодательных положений, ранее закрепленных в ст. 70 УПК РСФСР и аналогичных нормах уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик. Ответ на данный вопрос представляется достаточно неоднозначным, предполагающим двусмысленную формулировку: «и да, и нет!». Да – потому, что действующий уголовно-процессуальный закон, устанавливая весьма разорванные и бессистемные полномочия и правомочия определенных участников по представлению и истребованию потенциальных доказательств (предметов и документов), вообще не предусматривает никаких юридических приемов, позволяющих реализовать указанные правовые возможности. Нет – потому, заложенные в советское законодательство отдельные правила работы с доказательствами ввиду объективных и понятных причин сильно устарели и в настоящее время уже не могут гармонично вписаться в общую систему уголовно-процессуального регулирования (например, советский законодатель, видимо, не считал нужным отграничивать правовой режим представления потенциальных доказательств подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и другими лицами, обладающими правом на доступ к правосудию, от режима, установленного для граждан и организаций, не являющихся участниками уголовного судопроизводства). Да и вообще ст. 70 УПК РСФСР тоже была далеко не идеальной; она вовсе не предполагала каких-либо четких механизмов представления и истребования предметов или документов, а лишь только более развернуто, целостно и системно устанавливала соответствующие полномочия субъектов уголовной юрисдикции и правомочия «вторых» участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Таким образом, в современных условиях требуется не столько простая реставрация положений советского закона, регламентирующих представление и истребование как «технические» способы собирания доказательств, сколько сознание новой (а вернее обновленной) нормативной основы для их эффективного использования в процессе доказывания по уголовному делу. С одной стороны, подобные правила надлежит формулировать в контексте правовой преемственности по отношению к ранее

существовавшему правовому режиму, установленному ст. 70 УПК РФ. В частности, для представления и истребования целесообразно определить относительно простой и достаточно свободный порядок, не требующий излишней формализации и не обремененный такими жесткими юридическими гарантиями, которые присущи для следственных действий. Однако с другой стороны, эти правила должны исходить из современных представлений о назначении уголовного судопроизводства, соответствовать сегодняшним стандартам доказывания, а также гармонично вписываться в общую систему уголовно-процессуального регулирования и учитывать реальные потребности правоприменительной практики.

Литература

1. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит. 1964.
2. Воронина Л.В. Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе (по материалам Казахской ССР): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Л.: ЛГУ имени А.А. Жданова, 1987.
3. Кузнецов А.Н. Истребование и представление предметов и документов как способы собирания доказательств в уголовном процессе // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции. Ч. 5 / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: ВГУ, 2004.
4. Ларин А.М. Истребование и представление предметов и документов в стадии расследования // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: сборник научных статей / отв. ред. Р.К. Каюмов. Ташкент: Ташкентская ВШ МВД СССР, 1982.
5. Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.
6. Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018.
7. Россинский С.Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // вестник Самарского университета. Т. 6. 2020. № 3.
8. Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.
9. Стельмах В.Ю. Концептуальные основы следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2017.
10. Фуфыгин Б.В. Представление доказательств в советском уголовном процессе // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан: межвузовский тематический сборник. Калинин: Калининский госуниверситет, 1982. С. 30.
11. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013.